

Пролог

Вздremнув сегодня после обеда, я открыл глаза и увидел перед собой безликого человека. Он сидел на стуле прямо напротив дивана, пристально уставив на меня воображаемый взгляд с отсутствия лица.

Мужчина был высок, одет, как и прежде, в длинный темный плащ. Широкие поля черной шляпы прикрывали его безликое лицо.

— Вот, я пришел. Давай, пиши мой портрет, — сказал Безлицый, убедившись, что я полностью проснулся. Говорил он тихо, голосом сухим и монотонным. — Помнишь, ты обещал.

— Помню. Но тогда не нашлось бумаги, вот ничего и не получилось. — В моем голосе тоже ни эмоций, ни интонаций. — Но мы квиты, я отдал вам амулет с пингином.

— Да, я прихватил с собой эту безделушку.

С этими словами он вытянул правую — очень длинную — руку, в которой держал пластмассовую фигурку пингвина. Такие обычно крепятся ремешком к сотовому телефону. Безлицый обронил фигурку на кофейный столик, и та *брякнула* о стеклянную поверхность.

— Возвращаю. Тебе он, пожалуй, нужнее. Этот крошечный пингвин будет оберегать твоих близких. Я хочу, чтоб ты взамен написал мой портрет.

Я растерялся.

— Прямо не знаю — я никогда не рисовал людей без лица.

В горле у меня пересохло.

— Говорят, ты — мастер портрета. К тому же, все когда-нибудь бывает впервые, — сказал Безлицый и рассмеялся. Полагаю, что рассмеялся. Нечто *похожее* на смех донеслось как бы из глубины пещеры — словно гулкое завывание ветра.

А потом он снял шляпу. На месте, где полагалось быть лицу, медленно закручивалась по спирали лишь молочная пелена.

Я поднялся, принес из мастерской альбом и мягкий карандаш. Затем сел на диван, собираясь приступить к портрету Безлицего, — но не знал, с чего начать и где это начало искать. Ведь там не было ничего. А как можно придать форму *тому, чего нет*? Только белесая пелена, что окутывала эту пустоту, беспрестанно меняла форму.

— Советую поторопиться, — сказал Безлицый. — Я не могу оставаться здесь долго.

В груди у меня гулко билось сердце. «Времени в обрез, нужно быстрее». Однако рука с карандашом так и повисла в воздухе, не в состоянии сдвинуться с места. Как будто кисть онемела прямо от запястья. Он прав: мне есть о ком позаботиться, а я умею только рисовать. Но вот нарисовать Безлицего я так и не мог. Не зная, как быть, я удрученно следил за водоворотами пелены.

— Прости, но время вышло, — вскоре сказал Безлицый и глубоко выдохнул через рот несуществующего лица белый речной туман.

— Погодите! Еще немного...

Человек надел шляпу, вновь скрыв половину отсутствующего лица.

— Когда-нибудь я навещу тебя опять. Может, тогда ты наконец-то сможешь нарисовать меня. А до тех пор я придержу пингвина.

И Безлицый исчез. Растворился в воздухе, словно дымка от порыва ветра. Остались только опустевший стул да стеклянный столик. Пингвина на столике как не бывало.

Все это показалось мне мимолетным сном. Но я прекрасно понимал, что это не сон. Будь это так, сам мир, в котором я живу, — один сплошной сон.

Быть может, когда-нибудь я научусь рисовать портрет пустоты. Смог же другой художник закончить картину «Убийство Командора». А пока что мне требуется время. И очень важно, чтобы оно было за меня.

ЕСЛИ ПОВЕРХНОСТЬ ПОТУСКНЕЛА

С мая того года и до начала следующего я жил в горах неподалеку от начала узкой лощины. Летом в глубине лощины беспрестанно шел дождь, а за ее пределами почти всегда бывало ясно. Причиной тому — юго-западный бриз. Он приносил в лощину полные влаги облака, которые, поднимаясь по склонам, проливались ливнем. Дом стоял прямо на границе стихий, и даже когда мне на пороге светило солнце, на заднем дворе зачастую лило как из ведра. Вначале мне это казалось очень странным, но вскоре я свыкся и перестал замечать.

Над горами нависали обрывки туч. Стоило подуть ветру, как эти клочки, словно забредшие из прошлого души, шатко плыли над горными склонами в поисках утраченных воспоминаний. Порой белые дождевики, словно мелкий снег, бесшумно кружились вихрями. Ветер здесь почти никогда не утихал, и летом в доме было вполне терпимо без кондиционера.

Дом был стар и мал, зато двор оказался очень просторным. Стоило немного его запустить, как все заросло сорняками в человеческий рост, где, точно скрываясь от закона, прижилось кошачье семейство. Но вскоре приехал садовник, скосил всю траву, и полосатой кошке с тремя котятками пришлось уйти — укрыться ведь негде. Напоследок кошка-мать сурово озиралась — такая худая, что сразу было видно: не жилец она.

Дом выстроили на вершине горы, и с террасы, смотревшей на юго-запад, сквозь лесную чащу видно было море. Казалось, его там не больше, чем воды в раковине: просто мелкая лужица в сравнении с огромным Тихим океаном, — но, по словам моего знакомого агента по недвижимости, даже при таком размере вида на море цены на землю с ним и без него сильно отличаются. Хотя мне было без разницы, есть там вид на море или нет: издалека обрывок морской глади казался лишь тусклым куском свинца. И я не понимал, отчего людям так хочется непременно видеть море. Мне, наоборот, больше нравилось разглядывать окружающие горы. Ведь склоны в глубине лощины в разные сезоны и в разную погоду так живо меняют свой облик. И я нисколько не уставал от каждодневных перемен.

К тому времени я расстался с женой, и мы даже подписали документы для официального развода, но позже нам выпала возможность начать супружескую жизнь сызнова.

Сложно сказать, почему так вышло. Даже мы, участники тех событий, едва улавливаем связь между их причиной и следствием. Если обобщить одной фразой, прозвучит банально — мы примирились. А между двумя периодами супружеской жизни — так сказать, предыдущим и последующим — зияет пространная брешь длиною в девять с лишним месяцев, точно канал с отвесными стенками, прорытый в узком перешейке.

Я сам не могу понять: девять с лишним месяцев — для расставания это долго или нет? Когда я потом оглядывался на то время, мне иногда казалось, что они тянулись вечно — или, наоборот, пролетели на удивление незаметно. День ото дня впечатление ме-

нялось. Часто, фотографируя, для верного восприятия размера предмета рядом кладут сигаретную пачку. Так вот, сигаретная пачка, помещенная сбоку от проекции моей памяти, будто бы своевольно вытягивалась и сжималась в зависимости от моего сиюминутного настроения. В пределах моей памяти, подобно тому, как безостановочно видоизменяются разные вещи и обстоятельства — или же в противовес этому, — похоже, непрерывно меняются даже неизменные, казалось бы, закономерности.

При этом я не хочу сказать, будто так же, наобум, мечется и своевольно меняет размеры вся моя память. Жизнь моя, по сути, сложилась ровно, ладно и резонно. И лишь на *эти* девять месяцев она пришла в состояние необъяснимого полнейшего хаоса. Тот период стал для меня во всех смыслах исключительным и необычным. Словно бы меня, плывущего посреди спокойного моря, затянуло в неопознанный огромный водоворот.

Может быть, поэтому, когда я вспоминаю события того периода (да, я делаю эти записи по памяти — все происшествия случились несколько лет назад), степень их тяжести, отдаленности и связанности нередко колеблется и становится неопределенной, и стоит лишь ослабить внимание, как в тот же миг логический порядок полностью сбивается. Но даже при этом я приложу все усилия, чтобы построить рассказ, насколько это будет возможно, систематично и логически. Возможно, в конечном итоге, это бесполезная попытка, но я хотел бы отчаянно уцепиться за мои придуманные гипотетические закономерности. Так обессилевший пловец хватается за подвернувшееся бревно.

Перебравшись в тот дом, первым делом я обзавелся дешевой подержанной машиной. Прежнюю незадолго до этого я загнал, будто лошадь, и отправил ее в утиль,

так что мне понадобилась другая. Когда живешь в провинциальном городке, да к тому же в одиночестве в горах, машина становится предметом первой необходимости: для покупок и прочих повседневных дел. В центре подержанных машин «Тоёта», что в пригороде Одавара, я нашел недорогую «короллу»-универсал. Продавец пояснил, что кузов — нежно-голубой, хотя мне он напоминал цвет лица изможденного болезнью человека. Пробежала машина тридцать шесть тысяч километров, но не без аварии, из-за чего на нее сделали значительную скидку. Я немного проехался — тормоза и колеса в порядке. Гонять целыми днями по автострадам я не собирался, поэтому решил, что мне подходит.

Дом же сдал мне в аренду Масахико Амада — мой однокашник по Институту искусств. На два года старше, но при этом — один из тех немногих друзей, кто был близок мне по духу. Мы иногда встречались и после выпуска. Получив диплом, он отказался от живописи и, устроившись в рекламное агентство, посвятил себя графическому дизайну. Он знал, что я, расставшись с женой, ушел из дому и податься мне особо некуда, а потому предложил пожить в пустующем родительском доме. Заодно и присмотрю за ним. Его отец, Томохико Амада — известный японский традиционный художник, — владел этим домом со студией в горах неподалеку от Одавара. Похоронив супругу, последние десять лет отец вел одинокую вольготную жизнь в этом доме. И все бы ничего, но недавно у него обнаружили прогрессирующее слабоумие и поместили старика в фешенебельный пансионат на плоскогорье Идзу. Так что дом несколько месяцев назад опустел.

— Знаешь, дом — на вершине горы, место не самое удобное. Спокойное — да, гарантия сто процентов. Прямо-таки идеальное, чтобы писать картины. Абсолютно ничего не отвлекает, — сказал Масахико.

Арендная плата была символической.

— Если в доме никто не живет, он начинает ветшать; так или иначе, переживаешь из-за домушников и пожаров. Жил бы там кто-нибудь постоянно — и нам будет спокойно. Но жить абсолютно *здаром*, полагаю, не в твоих принципах? Я же, в свою очередь, могу попросить тебя съехать по первому звонку.

Я был не против. Все мое имущество свободно помещалось в багажнике малолитражки. Велят съезжать — смогу съехать хоть на следующий день.

Перебрался я в тот дом после майских выходных. Скромное одноэтажное строение в европейском стиле было вполне похоже на коттедж, но при этом оказалось достаточно просторным для холостяка. Дом стоял на вершине невысокой горы, в зарослях; Масахико сам толком не знал границ своего участка. Во дворе росла, раскинув толстые ветви на все четыре стороны, большая сосна. Местами проложены дорожки из плоского камня, рядом с каменным светильником росло прекрасное банановое дерево.

Как Амада и говорил, там действительно было очень тихо. Однако теперь, вспоминая те события, я бы не сказал, будто абсолютно *ничто меня не отвлекало*.

За восемь неполных месяцев, что я, расставшись с женой, прожил в той лощине, я спал с двумя женщинами. Обе замужние. Одна младше меня, другая — старше. И обе — ученицы изокружка, в котором я преподавал.

Выбрав удобный случай, я предложил каждой из них переспать со мной (обычно я так не поступаю — по характеру я человек стеснительный и к такому не привык), и они не отказались. Не знаю, почему, но

в то время уложить их в постель казалось мне делом простым и логичным. Я не испытывал угрызений совести за то, что сексуально соблазняяю тех, кого сам же учу. И плотские отношения с ними казались мне таким же обыденным делом, как спросить у случайного прохожего, который час.

Первой стала высокая черноглазая женщина под тридцать, с маленькой грудью и тонкой талией. У нее был высокий лоб, прямые красивые волосы, но непропорционально большие уши. Пусть не красавица в прямом смысле слова, но с такими чертами лица, что ее захотел бы нарисовать любой художник (и я, сам художник, несколько раз действительно пробовал набросать ее портрет). Детей нет. Муж — преподаватель истории в частной средней школе повышенной ступени¹ — дома колотил жену. В школе распускать руки он не мог, и накопившийся гнев срывал дома на жене. Но по лицу не бил. Однажды, раздев ее донага, я рассмотрел синяки и шрамы по всему ее телу. Она не хотела, чтобы их видели другие, и, прежде чем раздеться, гасила в комнате свет.

Секс ее почти не интересовал. Нередко внутри у нее оставалось сухо, я пытался вставить — и ей становилось неприятно. Я неторопливо и нежно ее возбуждал, но ни ласки, ни смазывающий гель нужного действия не оказывали. Боль была острой и никак не унималась. От боли она временами громко вскрикивала.

Но даже при этом она хотела секса со мной. По меньшей мере, ей это не было противно. Интересно,

¹ Промежуточное звено японской системы образования между обязательным средним образованием и вузом. Соответствует трем старшим классам российской школы. — *Здесь и далее прим. переводчика.*

почему? Может, она жаждала боли? Или, возможно, так *избегала* приятных ощущений? Или даже пыталась каким-то образом себя покарать? Да мало ли чего порой хотят люди от жизни. Но вот одного она не желала — *близости*.

Она была против встреч у меня или у нее дома, поэтому мы ехали на моей машине к морю, и там, вдали от всех, в гостинице для пар занимались сексом. Встречались на просторной парковке сетевого ресторана, в начале второго входили в номер и к трем покидали его. Для таких встреч она непременно надевала большие солнцезащитные очки — даже в пасмурный день или в дождь. Но как-то раз она не приехала в условленное место и перестала посещать изостудию, тем самым положив конец нашей короткой и безнадежной связи. Всего мы встречались так раз четыре или пять.

Затем у меня возникла связь с другой замужней женщиной, которая жила счастливой семейной жизнью. По крайней мере, выглядело так, будто ее семья ни в чем не нуждается. Ей тогда исполнилось (насколько я помню) сорок один, а значит, она была на пять лет старше меня. Невысокая, с правильными чертами лица, всегда одета со вкусом. Три раза в неделю она ходила в спортзал на йогу, и потому ее живот был без единой складки жира. Ездил на новеньком красном «мини-купере», издалека сверкавшем на солнце свежей полировкой. Обе ее дочери учились в дорогой частной школе в районе Сёнан, которую прежде окончила и их мать. Муж управлял какой-то фирмой, но что за фирма, я не спросил (и, разумеется, даже не собирался).

Я не могу понять, почему она не отвергла мои подкаты. А может, в то время я излучал особый магне-

тизм? И я притянул ее душу (если можно их сравнивать), как простой кусок железа. Или же ни мой магнетизм, ни ее душа здесь совсем ни при чем, а ей просто потребовалась плотская встряска на стороне, и я всего-навсего ей подвернулся.

Во всяком случае, я мог спокойно давать все, что ей было нужно в ту пору, — как бы само собой, чем бы оно ни было. Как мне показалось, вначале она очень естественно наслаждалась нашей связью. Если говорить о ее плотской стороне (пусть других сторон, заслуживающих упоминания, и не было вовсе), мои с ней отношения складывались весьма гладко. Мы занимались сексом чисто и честно, и эта чистота достигла практически абстрактного уровня. Я поймал себя на этой мысли не сразу, и она меня слегка изумила.

Однако со временем женщина образумилась. Тусклым утром в начале зимы раздался телефонный звонок, и она, будто читая по бумажке, проговорила:

— Полагаю, нам больше не стоит встречаться. Ведь продолжения у наших отношений нет.

Или что-то в том духе.

И вправду, какое там продолжение? У них не было даже основы.

В студенчестве я в основном увлекался абстрактной живописью. Простое, казалось бы, понятие «абстрактная картина» подразумевает довольно широкие рамки. Я не знаю, как объяснить ее формы и содержание, однако это — «картина, передающая нефигуративный образ вольно и непринужденно». Некоторые мои работы удостоились второстепенных премий на выставках, а обо мне самом в журналах об искусстве появлялись публикации. Не многие, но некоторые преподаватели и приятели поддерживали меня и ценили мои картины. И пусть от моего будущего